

Научная статья
УДК 343.3

Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ

Артем Геннадьевич Хлебушкин, доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
agh178@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4898-024X>

Аннотация:

Введение. Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ была изменена ст. 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Новые признаки состава данного преступления, равно как и усложнение его законодательной конструкции, относящееся к административной преюдиции, неоднократности и систематичности совершения экстремистских деяний, требуют самостоятельного исследования. Особого внимания заслуживают особенности квалификации возбуждения ненависти либо вражды по одному из таких признаков – оправдание или пропаганда применения насилия либо угрозы его применения (п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ). Также вследствие указанных изменений могут возникать проблемы квалификации деяний по ст. 282 УК РФ, связанные с совокупностью преступлений, при одновременном наличии признаков, предусмотренных ч. 1 и 2 данной статьи.

Методы. Работа основана на диалектическом методе и методе системного анализа. Также применялись общелогические методы и догматический метод.

Результаты. Представлена характеристика новых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Выработаны рекомендации по квалификации возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ в ст. 282 УК РФ, включая способы решения проблем, связанных с определением соотношения ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ.

Ключевые слова:

возбуждение ненависти, возбуждение вражды, унижение достоинства, административная преюдиция, судимость, насилие, оправдание, пропаганда, уголовная ответственность, совокупность преступлений, конкуренция норм, единичное преступление

Для цитирования:

Хлебушкин А. Г. Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 173–183.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025;
одобрена после рецензирования 19.11.2025;
принята к публикации 25.12.2025.

Original article

Classification of incitement to hatred or enmity taking into account the amendments made by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025 to the Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation

Artem Gennadievich Khlebushkin, Doc. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
agh178@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4898-024X>

Abstract:

Introduction. Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation was amended by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025. The new elements of this crime, as well as the complications of its legislative interpretation, relating to administrative prejudice, repetition and systematic commission of extremist activities, necessitate independent research. It is crucial to pay particular attention to the specific features of incitement to hatred or enmity based on one of the following grounds: justification or propaganda of the use of violence or threats of its use (clause (b) of part 1 of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). Consequently, these amendments may complicate the classification of criminal acts under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, connected with aggregate of crimes in the presence of the characteristics outlined in parts 1 and 2 of the aforementioned article.

Methods. The study is based on the dialectical method and system analysis. Both general logical and the dogmatic methods were employed in this study.

Results. The following study presents the characteristics of new elements of the crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. Recommendations have been formulated concerning the classification of incitement to hatred or enmity. These recommendations take into account the amendments made by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025 into Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, including ways to resolve issues related to determining the relationship between Parts 1 and 2 of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords:

incitement to hatred, incitement to enmity, abasement of human dignity, administrative prejudice, conviction, violence, justification, propaganda, criminal liability, aggregate of crimes, competition of norms, single crime

For citation:

Khlebushkin A. G. Classification of incitement to hatred or enmity taking into account the amendments made by Federal Law No. 173-FZ of 24 June 2025 to the Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 173–183.

The article was submitted September 28, 2025; approved after reviewing November 19, 2025; accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Динамичное реформирование антиэкстремистского законодательства, определяющего применение мер государственного принуждения, выражающихся в лишении или ограничении прав и свобод виновных лиц, ставит перед правоприменителями новые вопросы, относящиеся к деятельности по оценке конкретных актов поведения с позиции наличия основания юридической ответственности. Осложняется ситуация как межотраслевой регламентацией ответственности, при которой за аналогичное деяние в отношении лица могут применяться нормы административного или уголовного законодательства в зависимости от разных обстоятельств, так и все более детальной дифференциацией уголовной ответственности на уровне конкретных норм Уголовного Кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Очередным законодательным решением, обуславливающим возникновение прикладных вопросов уголовной ответственности за типичное проявление экстремизма – возбуждение ненависти либо вражды – стал Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ², которым была существенно изменена ст. 282 УК РФ. Новизна указанных положений уголовного закона определяет актуальность их изучения.

При определении цели, задач и структуры работы принимались во внимание выделяемые в методологии права компоненты, из которых должно состоять основание научных исследований: 1) определение объекта исследования; 2) проблемность состояния объекта исследования; 3) логически последовательный путь исследования объекта в его проблемном состоянии; 4) обоснованность и доказательность результатов исследования; 5) возможность непосредственного или опосредованного использования результатов исследования на практике [1, с. 93].

Целью настоящего исследования является выработка рекомендаций по установлению при квалификации преступлений отдельных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, с учетом изменений, внесенных в нее Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть новые признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, привести их характеристику; выделить возможные проблемы квалификации преступлений по этим признакам; предложить способы решения данных проблем.

При проведении исследования использовалось действующее уголовное и регулятивное законодательство, материалы судебной практики, научные работы, посвященные структуре уголовного закона, конструированию состава преступления, теоретическим основам квалификации преступлений, конкуренции уголовно-правовых норм, множественности преступлений, квалификации преступлений с признаками оправдания и пропаганды.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3503.

Методы

Основа исследования – диалектический метод и метод системного анализа. Также применялись общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение). Уяснение содержания конкретных уголовно-правовых норм, исходя из их структуры и используемой законодателем терминологии, осуществлялось с использованием догматического метода. В сочетании с изучением материалов судебной практики, отражающих официальную квалификацию конкретных общественно опасных деяний, это позволило обеспечить комплексность анализа положений уголовного закона с учетом реального правоприменения, выделить общие подходы к уголовно-правовой оценке деяний, предусмотренных разными статьями Особенной части УК РФ, но имеющих схожие черты, и сформулировать конкретные рекомендации по применению ст. 282 УК РФ в ее новой редакции.

Результаты

Общая характеристика изменений статьи 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации
Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ³ была изменена ст. 282 УК РФ. Основные изменения выразились в следующем:

1. Увеличено количество криминообразующих признаков, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, путем указания нового альтернативного признака специального субъекта – наличие судимости за совершение любого из преступлений, предусмотренных ст. 282, 280 и 282⁴ УК РФ (п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ), а также включения альтернативного обязательного признака, относящегося к объективной стороне – сопряженности совершаемых действий с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения (п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ).

2. В пункте «в» части 2 ст. 282 УК РФ расширен перечень форм соучастия – если ранее в нем было указано только совершение преступления организованной группой, то в новой редакции данный пункт также предусматривает совершение преступления группой лиц и группой лиц по предварительному сговору.

К менее существенным изменениям можно отнести следующую новую формулировку, включенную в ч. 1 ст. 282 УК РФ: вместо предусматривавшегося ранее совершения действий лицом «после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» теперь указывается их совершение «лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние». Но смысл рассматриваемой нормы в этом отношении не изменился, и квалификация преступлений по данному признаку будет осуществляться в прежнем порядке, т. к. согласно ч. 1 ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ (далее – КоАП РФ) «лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутому данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления» (за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 3 данной статьи).

Квалификация возбуждения ненависти либо вражды⁵ с учетом административной преюдиции, неоднократности и систематичности совершения экстремистских деяний

Содержание анализируемых изменений ст. 282 УК РФ свидетельствует о расширении круга криминализированных деяний и, соответственно, сферы применения данной нормы путем отнесения к признакам состава преступления дополнительных видов повторного отклоняющегося поведения. В новой редакции ст. 282 УК РФ нашли отражение как неоднократное совершение преступлений (речь идет о включении в п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ признака наличия судимости за преступление экстремистской направленности, предусмотренные ст. 282, 280 и 282⁴ УК РФ),

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁴ СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3503.

⁵ Здесь и далее общей краткой формулировкой «возбуждение ненависти или вражды» обозначаются одинаково указанные в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ деяния: «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в т. ч. с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“».

так и систематическое⁶ совершение правонарушений экстремистского характера, поскольку составы двух из указанных преступлений, наличие судимости по которым является альтернативным криминообразующим признаком, включают административную преюдицию (ст. 282 УК РФ отсылает к ст. 20.3¹ КоАП РФ, ст. 284² УК РФ – к ст. 20.3 КоАП РФ).

Системный анализ данных положений позволяет выделить следующие возможные варианты квалификации неоднократно или систематически совершаемых экстремистских деяний по п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ при условии сохранения правовых последствий первичного привлечения лица к юридической ответственности (имеется в виду срок в один год, предусмотренный ст. 4.6 КоАП РФ, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, либо наличие судимости за указанные выше преступления с учетом положений ст. 86 УК РФ):

- 1) неоднократность: ст. 20.3¹ КоАП РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
- 2) неоднократность: ст. 282 УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
- 3) неоднократность: ст. 280 УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
- 4) неоднократность: ст. 282⁴ УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
- 5) систематичность: ст. 20.3¹ КоАП РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ;
- 6) систематичность: ст. 20.3 КоАП РФ → ст. 282⁴ УК РФ → п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Как видно, Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ была усложнена система регламентации ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, что выражается в увеличении количества комбинаций нарушений правовых запретов, которые в сумме образуют состав преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ. Три из приведенных вариантов непосредственно связаны с административной преюдицией, что свидетельствует о все более активном использовании этих законодательных решений для комплексной охраны общественной отношений.

Возможно, для выделения таких специфических конструкций в общей и постоянно расширяющейся массе составов преступлений с административной преюдицией целесообразно использовать понятие административной преюдиции с кумулятивным значением, поскольку в пятом и шестом приведенных вариантах противоправного поведения административная ответственность предшествует появлению судимости, наличие которой, в свою очередь, является криминообразующим признаком уже следующего преступления. Совершение административного правонарушения обуславливает наличие составов уже двух последовательно совершаемых преступлений.

Деяния экстремистского характера, поэтапно получающие правовую оценку как административное правонарушение, а затем как преступление, в результате «аккумулируются», «суммируются» в третье, новое деяние – преступление, предусмотренное п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Н. А. Лопашенко, рассматривая общественную опасность деяния и отмечая, что она «не носит исключительный, только к преступлению относящийся характер», ею обладают и административные правонарушения, обращает внимание на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который «стал подчеркивать в своих решениях не просто общественную опасность, а криминальную общественную опасность преступления» [2, с. 129]. В рассматриваемых нами законодательных конструкциях прослеживается двойной переход именно к такой криминальной общественной опасности от опасности, присущей административному правонарушению.

Квалификация возбуждения ненависти или вражды по признаку оправдания или пропаганды применения насилия либо угрозы его применения (п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ)

В пояснительной записке к законопроекту, которым был введен п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, указывалось, что в 2023 году дела по ст. 20.3¹ КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в 42,6 % возбуждались по фактам совершения действий, «оправдывающих, обосновывающих, одобряющих или пропагандирующих применение насилия либо угрозу его применения в отношении человека либо группы лиц по мотивам национальной (в абсолютном большинстве), расовой, религиозной принадлежности, а также принадлежности к социальной группе. Такие деяния обладают более высокой общественной опасностью по сравнению с иными проявлениями возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства в рамках статьи 20.3¹ КоАП РФ... Применение насилия или угроза его применения в рамках пункта „а“ части второй статьи 282 УК связаны только с фактическим причинением вреда здоровью или действиями, выражающими намерение виновного применить к потерпевшему физическое насилие, если имелись основания опасаться

⁶ Под неоднократным совершением деяния мы понимаем его совершение два раза, под систематическим – совершение более двух раз (см., например, примечание к ст. 232 УК РФ).

осуществления угрозы... В то же время, учитывая, что рассматриваемые действия, сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, не связаны с реальным применением физического насилия, за их совершение не могут быть установлены меры ответственности, равные предусмотренным пунктом „а” части второй статьи 282 УК РФ»⁷.

Как отмечал В. Н. Кудрявцев, «уголовно-правовая норма закрепляет не любые случайные комбинации и формы объективной стороны того или иного деяния, а лишь такие ее формы, в которых проявляется определенная общественно вредная закономерность», указанная закономерность выражается, прежде всего, в «целенаправленности нормы, в ее „смысле”» [3, с. 39]. Таким образом, анализируемые изменения ст. 282 УК РФ, обусловленные выявленными закономерностями, связанными с распространенностью соответствующих действий, направлены на криминализацию возбуждения ненависти либо вражды, сопряженного с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, но не связанного с фактическим применением насилия и обладающего поэтому меньшей степенью общественной опасности.

В Уголовном Кодексе Российской Федерации содержание понятий «оправдание» и «пропаганда» раскрывается в примечаниях к ст. 205² УК РФ применительно к терроризму. Данные определения можно взять за основу при анализе п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ и оправдание применения насилия либо угрозы его применения рассматривать как заявление о признании идеологии и практики применения насилия или угрозы его применения при возбуждении ненависти либо вражды правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Под пропагандой применения насилия либо угрозы его применения следует понимать деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии насильственного возбуждения ненависти или вражды, убежденности в ее привлекательности, представлений об уместности применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды.

Принимая во внимание значение слов «оправдание», «пропаганда», «поддержка», «подражание», «идеология»⁸, а также выделяемые в теории при анализе отдельных составов преступлений признаки оправдания и пропаганды⁹ [4, с. 136; 5, с. 86–88; 6, с. 136; 7, с. 86–88; 8, с. 233], можно сделать следующие выводы:

- оправдание выражается в распространении сведений, содержащих одобрение указанных действий и направленных на формирование у других лиц мнения о том, что это допустимые акты поведения, заслуживающие воспроизводства;

- пропаганда выражается в совокупности действий, направленных на обеспечение усвоения другими лицами идей о целесообразности применения насилия либо угрозы применения насилия при возбуждении ненависти или вражды, положительных оценок такого поведения. Однако пропаганда не предполагает одобрения реальных совершенных актов применения насилия либо угрозы его применения, т. к. это относится к оправданию.

Принимая во внимание судебную практику по делам об оправдании и пропаганде терроризма, специфику соотношения терроризма и экстремизма, а также противоправный характер возможных одобряемых действий, выделим две особенности квалификации преступлений по п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ с учетом новизны этого законодательного положения.

1. Соотношение антитеррористических и антиэкстремистских уголовно-правовых норм при оценке оправдания и пропаганды применения насилия либо угрозы его применения.

Терроризм и экстремизм – это достаточно близкие по своему социально-деструктивному содержанию явления. А. И. Рарог справедливо пишет о «генетической связи терроризма с экстремизмом», указывая на возможное совершение террористических актов по экстремистским мотивам [9, с. 154]. Есть определенная схожесть и в юридическом отношении. Например, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁰ к экстремизму отнесены публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. Антитеррористические и антиэкстремистские нормы в УК РФ в основном распределены по разным главам (24 и 29 соответственно). Однако оправдание

⁷ Паспорт проекта Федерального закона № 835233-8 «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835233-8> (дата обращения: 01.08.2025).

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 1997. С. 236, 456, 534, 541, 616.

⁹ Костылева О. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 19.

¹⁰ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

и пропаганда в качестве альтернативных действий, образующих объективную сторону преступления, отнесены к признакам составов преступлений, предусмотренных как ст. 205², так и ст. 282 УК РФ. Такое внешнее «наложение» криминализации разных видов вредоносного информационного воздействия, осуществляемого в отношении других лиц, может приводить к неверному определению соотношения указанных норм и ошибкам при квалификации преступлений.

Так, М. был осужден по ч. 1 ст. 205² УК РФ за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма. Судебная коллегия приговор изменила, отметив следующее. «При постановлении приговора окружной военной суд исключил из обвинения М. ч. 1 ст. 282 УК РФ как излишне вмененную, указав, что незаконные действия осужденного совершены с одним умыслом, направленным на распространение материалов и информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности, обосновывающих и оправдывающих ИГИЛ*, одной из целей которой, как установлено решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г., является ведение так называемой священной войны (джихада) с неверными (кафирами) во всем мире, а поэтому они образуют единое продолжаемое преступление, предусмотренное специальной уголовно-правовой нормой – ч. 1 ст. 205² УК РФ»¹¹. Далее, ссылаясь на отличия данных преступлений в объекте, объективной стороне и субъективной стороне, Судебная коллегия указала, что составы преступлений, предусмотренные ст. 282 и ст. 205² УК РФ, не являются по отношению друг к другу общей и специальной нормами уголовного закона, а поэтому они не могут в этом смысле конкурировать между собой. В связи с этим действия М. были дополнительно квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Необходимо исходить из того, что преступления, предусмотренные ст. 282 и ст. 205² УК РФ – это самостоятельные деяния, которые не охватывают друг друга.

Таким образом, несмотря на содержательную и юридическую близость терроризма и экстремизма, а также включение оправдания и пропаганды в число признаков составов преступлений, предусмотренных как ст. 205², так и ст. 282 УК РФ, эти нормы в отношениях конкуренции не находятся, что допускает идеальную совокупность данных преступлений при наличии к тому оснований.

2. Значение официальной юридической оценки действий, оправдываемых виновным.

С учетом того, что при оправдании применения насилия или угрозы его применения речь идет об одобрении виновным лицом действий не только вредоносных, но и противоправных, может возникать вопрос о том, получили ли эти оправдываемые действия официальную отрицательную юридическую оценку как конкретное правонарушение (преступление).

Представляется, что данное обстоятельство не должно оказывать влияния на установление признаков состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, поскольку принципиальное значение имеет не квалификация оправдываемых действий, а их насильственный характер и связь этих действий с одобрением применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды. По сути, совершенные кем-либо ранее насильственные действия используются виновным как повод, основание для выражения своей позиции, подкрепления осуществляемого негативного информационного воздействия, придания ему определенного направления в целях формирования у других лиц убеждения в допустимости аналогичных действий в отношении потерпевших, выделяемых по признакам, указанным в ст. 282 УК РФ. Изложенное подтверждается и судебной практикой по оправданию терроризма, которое в рассматриваемом аспекте аналогично оправданию применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды.

Так, Б. была осуждена по ч. 2 ст. 205² УК РФ. Судебная коллегия указала следующее. «После ознакомления Б. ... с содержанием одной из страниц в социальной сети „ВКонтакте“ о совершении взрыва в здании Управления ФСБ России по Архангельской области она в течение часа разместила в социальной сети „Интернет“ текстовые комментарии к этому событию, содержащие лингвистические и психологические признаки оправдания практики терроризма... Суд при принятии решения о квалификации деяния правильно исходил из очевидной опасности случившегося 31 октября 2018 г. в здании Управления ФСБ России по Архангельской области, а также того, что содержание размещенных осужденной в сети „Интернет“ комментариев указывает на наличие в них лингвистических и психологических признаков оправдания действий лица, совершившего взрыв в здании Управления ФСБ России по Архангельской области, как

* Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

¹¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 6 (окончание).

реакции на принимаемые органами государственной власти решения и с целью воздействия на их принятие. Фактически взрыв был использован осужденной как повод для публичного заявления о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания. При таких данных отсутствие оценки правоохранительными органами взрыва как террористического акта на момент размещения Б. комментариев к этому событию не влияет на правильность квалификации содеянного ею как публичного оправдания терроризма»¹².

Таким образом, при квалификации возбуждения ненависти либо вражды по признаку оправдания применения насилия или угрозы его применения наличие официальной юридической оценки оправдываемых действий на момент их оправдания обязательного значения не имеет. Важен насильственный характер этих действий, выстраивание виновным на основе данных фактов определенных суждений и оценок, использование их для наполнения соответствующим содержанием своих публичных заявлений и обращений.

Новая редакция статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации и проблемы совокупности преступлений

В рамках статьи 282 УК РФ с технико-юридических позиций несколько специфическим образом было реализовано законодательное решение, связанное с отражением степени общественной опасности разных действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды.

Дело в том, что санкция ч. 2 ст. 282 УК РФ строже, чем санкция ч. 1 ст. 282 УК РФ. Но при этом состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ, не является квалифицированным видом состава преступления, предусмотренного частью первой данной статьи, поскольку обязательные альтернативные признаки последнего, указанные в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, не включены в описание преступления, ответственность за совершение которого установлена ч. 2 ст. 282 УК РФ. Как отмечает А. В. Иванчин, «закрепление состава преступления в ч. 2 и последующих частях статьи Особенной части УК еще не является достаточным основанием для того, чтобы считать его квалифицированным. Он вполне может оказаться автономным, т. е. недифференцированным составом или основным» [10, с. 204].

Такая конструкция ст. 282 УК РФ может вызывать ряд вопросов при квалификации преступлений. Для примера представим две ситуации.

1. Лицо, имеющее судимость за совершение любого из преступлений, предусмотренных ст. 280, 282 или 282⁴ УК РФ, совершает возбуждение ненависти либо вражды в составе группы лиц по предварительному сговору. В данном случае есть признак, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ, и признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ.

2. Также возможно сочетание нового признака, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, с признаком, указанным в п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, когда виновный, совершая возбуждение ненависти либо вражды с пропагандой применения насилия к определенной категории потерпевших, при этом одновременно и сам фактически применяет насилие к таким лицам в целях обеспечения «наглядности» своей пропаганды.

Допустимо ли содеянное в приведенных случаях квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими пунктами ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ? С одной стороны, деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 282 УК РФ, является более общественно опасным, что нашло отражение как в санкциях ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, так и в отнесении данных преступлений к разным категориям (преступлениям средней тяжести и тяжким преступлениям соответственно). С другой стороны, в ч. 2 ст. 282 УК РФ нет квалифицирующих признаков (отягчающих обстоятельств) по отношению к ч. 1 ст. 282 УК РФ, поэтому обосновывать лишь более строгой санкцией квалификацию содеянного в рассматриваемых ситуациях только по ч. 2 ст. 282 УК РФ нельзя.

Данные нормы (ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ) в состоянии конкуренции не находятся, а являются смежными, различающимися по отдельным признакам состава преступления. Н. Ф. Кузнецова указывала, что «квалификация по специальным нормам должна основываться на признаках, указанных в общей норме»¹³. Л. В. Иногамова-Хегай отмечает следующее: «Конкурирующие нормы отличаются от смежных норм тем, что конкурирующая норма о преступлении (специальная или целое) всегда содержит все признаки, имеющиеся во второй норме (общей или части), и дополнительный признак, отсутствующий во второй норме, а вторая не содержит признака, отсутствующего в первой норме» [11, с. 191].

¹² Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. № 222-УД22-14-А6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 5.

¹³ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. Москва : Городец, 2007. С. 126.

Но, как подчеркивалось выше, альтернативные обязательные признаки, указанные в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, не включены в описание преступления, ответственность за совершение которого установлена ч. 2 ст. 282 УК РФ, и вследствие этого квалификация преступлений по ч. 2 ст. 282 УК РФ не основывается на признаках ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Обозначенная проблема станет более очевидной, если мысленно преобразовать ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ в самостоятельные статьи или поменять их местами, указав сначала более тяжкое, а затем менее тяжкое преступление, как это сделано, например, в ч. 2 и 7 ст. 222 УК РФ.

Таким образом, мы возвращаемся к вопросу о возможной совокупности преступлений. В. Н. Кудрявцев писал, что совокупность преступлений «имеется в тех случаях, когда все содеянное охватывается не менее чем двумя разными нормами Особенной части. Эта юридическая характеристика совокупности преступлений позволяет довольно четко отграничивать ее от конкуренции норм Особенной части. При конкуренции также имеется несколько статей Особенной части, содержащих признаки данного деяния, но при этом все содеянное может быть охвачено одной из этих норм. Для совокупности же характерно то, что ни одна из норм не охватывает содеянного полностью; оно может получить правильную правовую оценку только путем применения двух или более норм Особенной части, вместе взятых» [12, с. 244].

Здесь можно было бы сделать промежуточный вывод о том, что в обоих приведенных ситуациях содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими пунктами ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, но он вряд ли соответствует тому смыслу дифференциации ответственности, который был заложен законодателем в ст. 282 УК РФ.

На первый взгляд, с учетом того, что речь идет об идеальной совокупности преступлений, аргументом против такого варианта квалификации могло бы быть буквальное толкование ч. 2 ст. 17 УК РФ, согласно которой совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ, поскольку анализируемые нами деяния предусмотрены одной статьей. Но в теории справедливо отмечается необходимость расширительного толкования ч. 2 ст. 17 УК РФ путем отнесения к совокупности преступлений и случаев, когда разные составы преступлений описаны в разных частях одной статьи [11, с. 182–183].

Такое толкование представляется верным и даже необходимым. Иной подход повлек бы значительные правоприменительные проблемы. Например, при буквальном толковании ч. 2 ст. 17 УК РФ нельзя было бы квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 2 и 7 ст. 222 УК РФ одновременный сбыт двух пистолетов – огнестрельного и газового. Но другой законный и справедливый вариант квалификации преступлений тут вряд ли возможен. Это подтверждается и судебной практикой. Так, Ф. был осужден по ч. 2 ст. 222 УК РФ за незаконный сбыт как огнестрельного оружия и боеприпасов, так и газового оружия. Судебная коллегия приговор изменила, указав следующее. «Уголовная ответственность за незаконный сбыт огнестрельного оружия и боеприпасов предусмотрена ч. 2 ст. 222 УК РФ, а за незаконный сбыт газового оружия – ч. 7 ст. 222 УК РФ. Это два разных состава преступления, по отношению друг к другу они не являются основным и квалифицированным. При этом первое преступление является тяжким, а второе – средней тяжести. С учетом изложенного, действия Ф. по незаконному сбыту газового оружия подлежали квалификации по ч. 7 ст. 222 УК РФ, которая относится к категории средней тяжести, а суд, квалифицировав данные действия по ч. 2 ст. 222 УК РФ, являющейся тяжким преступлением, ухудшил его положение. Таким образом, действия Ф. по факту незаконного хранения, перевозки и сбыта огнестрельного оружия и боеприпасов судебная коллегия квалифицирует по ч. 2 ст. 222 УК РФ, а по факту незаконного сбыта газового оружия – по ч. 7 ст. 222 УК РФ»¹⁴. В приведенном примере не указано, был ли сбыт оружия указанных видов одновременным или нет, но сути подхода по квалификации это не меняет.

Рассматриваемая проблема является дефектом законодательной техники. Достаточно было включить в ч. 1 ст. 282 УК РФ традиционную формулировку: «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью второй настоящей статьи» или аналогичную ей. Этот технический прием уже успешно реализуется. Так, уголовная ответственность за побои предусмотрена двумя статьями – 116¹ и 116 УК РФ. Статья 116¹ УК РФ, так же, как и п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ, в качестве альтернативных признаков преступления предусматривает совершение указанных в ней действий лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1) и лицом, имеющим судимость за определенные преступления (ч. 2). Но при этом

¹⁴ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2025 № 77-1686/2025 (УИД 77RS0022-02-2024-010004-54) // Справочная правовая система (СПС) КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=178843&cacheid=F43CE1FD4DA60143CE8D94920DA89069&mode=splus&rnd=ADaYaQ#Ld9yA3Vi6F0Janaz1> (дата обращения: 01.08.2025).

и в ч. 1, и в ч. 2 ст. 116¹ УК РФ указывается на отсутствие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.

Однако действующая редакция ст. 282 УК РФ обязывает нас рассматривать ситуацию *de lege lata* и выбирать один из двух вариантов квалификации преступлений в рассматриваемых ситуациях:

1) квалифицировать содеянное по совокупности преступлений по соответствующим пунктам ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ;

2) либо ч. 1 ст. 282 УК РФ толковать ограничительно в том смысле, что она применяется лишь при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью второй данной статьи. Исходя из этого, при наличии в деянии одновременно признаков, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, преступление квалифицируется только по соответствующему пункту (пунктам) ч. 2 ст. 282 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Именно второй вариант представляется более предпочтительным по следующим причинам: несмотря на то, что формально в ч. 2 ст. 282 УК РФ указан самостоятельный состав преступления, в своем сочетании обе части ст. 282 УК РФ ближе по конструкции к составу *сложного единичного преступления с альтернативными признаками*, пусть и указанными в двух разных частях статьи. Некоторые из них действительно повышают степень общественной опасности деяния, но к квалифицирующим признакам в традиционном понимании их отнести нельзя, поскольку последние не могут существовать сами по себе, а проявляются только по отношению к основному составу, которого в ст. 282 УК РФ просто нет. И здесь должно работать устоявшееся правило квалификации таких единичных преступлений: для наличия состава преступления, сконструированного с альтернативными признаками, достаточно установления одного любого из них, указанных в норме Особенной части, но при этом наличие двух и более таких признаков из них не образует множественности преступлений [13, с. 115]. Например, не образует совокупности преступлений приобретение наркотического средства и его последующее хранение (ч. 1 ст. 228 УК РФ), либо нанесение удара, повлекшего одновременно утрату зрения и слуха (ч. 1 ст. 111 УК РФ).

И распределение этих альтернативных признаков по двум частям ст. 282 УК РФ с установлением разного наказания принципиального значения в рамках рассматриваемого вопроса квалификации не имеет.

Такая оценка статьи 282 УК РФ соответствует подходу, применяемому в судебной практике по единичным преступлениям, признаки которых тоже распределены по разным частям одной статьи Особенной части УК РФ. Например, после изменений, внесенных в ст. 222 УК РФ Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ¹⁵, ч. 1 ст. 222 УК РФ устанавливает ответственность за незаконные приобретение, передачу, хранение, перевозку, пересылку или ношение огнестрельного оружия и иных предметов. Часть 2 ст. 222 УК РФ устанавливает более строгую ответственность за незаконный сбыт огнестрельного оружия и иных предметов.

Д. был осужден по ч. 1 ст. 222 и ч. 2 ст. 222 УК РФ. Судебная коллегия указала, что в соответствии с разъяснениями, приведенными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»¹⁶, незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка и ношение одних и тех же огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, не требуют самостоятельной квалификации каждого из незаконных действий по частям первой–третьей статьи 222 УК РФ. При установленных обстоятельствах все действия Д., связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой и сбытом одного и того же огнестрельного оружия надлежало квалифицировать как единое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 222 УК РФ. На основании этого Судебная коллегия приговор в отношении Д. изменила, квалифицировав его действия как одно преступление по ч. 2 ст. 222 УК РФ¹⁷.

В. Д. Филимонов, рассматривая общественно опасное деяние как признак объективной стороны, выделял его материальное и идеологическое содержание, относя ко второму произнесение слов, выражений, передачу информации и указывая при этом в качестве примеров призывы к совершению преступлений и возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды

¹⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5109.

¹⁶ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5 ; 2019. № 9.

¹⁷ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 марта 2025 г. № 77-506 / 2025 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=168280&cacheid=22CA9345DAAB48D85164AF1B69115812&mode=splus&rnd=ADaYaQ#3amzA3VylFZ3L5sJ1> (дата обращения: 01.08.2025).

[14, с. 104–105]. Деяния, указанные в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, обладают схожим идеологическим содержанием, т. к. описание общего базового деяния в виде возбуждения ненависти либо вражды в них совпадает полностью. Видимо, эта схожесть и обуславливала объединение их законодателем в одной статье Особенной части УК РФ.

При этом в ч. 2 ст. 282 УК РФ признаки, предусмотренные п. «а» и «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, заменяются, а не дополняются иными признаками, повышающими степень общественно опасности. П. С. Дагель писал: «Нередко при совершении преступления действия виновного выражаются в одновременном совершении различных видов посягательства на один и тот же объект... Если эти посягательства фактически образуют элементы одного преступления, они квалифицируются по статье Особенной части кодекса, предусматривающей наиболее тяжкий вид посягательства из числа совершенных виновным»¹⁸.

В пользу отсутствия совокупности преступлений в рассматриваемых ситуациях можно привести и иные аргументы. М. Д. Шаргородский, рассматривая технику уголовного законодательства, выделял «прием определения через ближайший род и видовое отличие» [15, с. 128]. С учетом того, что ответственность за возбуждение ненависти либо вражды предусмотрена нормами разных отраслей права, можно выделить общее родовое деяние в форме такого возбуждения и три деяния в рамках этого рода, содержащие видовые отличия:

- 1) административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3¹ КоАП РФ;
- 2) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ;
- 3) преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Эти нормы в своей взаимосвязи представляют систему, в которой в рамках одного рода каждый следующий вид деяния является более опасным. Как представляется, смысл анализируемого построения ст. 282 УК РФ был именно в исключении искусственной оценки идеологически одинаковых деяний как совокупности преступлений. В теории выделяют технико-юридическую функцию конструирования составов преступлений с альтернативными признаками, заключающуюся именно в «законодательном отграничении сложных единичных преступлений от множественности преступных деяний» [16, с. 108]. Возбуждение ненависти либо вражды, представляющее собой в простом (основном) варианте административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3¹ КоАП РФ, возводится признаками, указанными в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, в ранг преступлений средней тяжести (ч. 1 ст. 282 УК РФ) или тяжких преступлений (ч. 2 ст. 282 УК РФ). Содеянное при такой межотраслевой конструкции должно квалифицироваться только по одной норме, предусматривающей наиболее тяжкий признак, которой и является ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Выводы

1. По смыслу пункта «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ под оправданием применения насилия либо угрозы его применения следует понимать заявление о признании идеологии и практики применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Задача такого оправдания – убедить других лиц в том, что это допустимые акты поведения, заслуживающие воспроизводства.

2. Пропаганда применения насилия либо угрозы его применения – это деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии насильственного возбуждения ненависти или вражды, убежденности в ее привлекательности, представлений об уместности применения насилия либо угрозы его применения при возбуждении ненависти или вражды. Пропаганда выражается в совокупности действий, направленных на обеспечение усвоения другими лицами идей о целесообразности применения насилия либо угрозы применения насилия при возбуждении ненависти или вражды, положительных оценок такого поведения. Пропаганда не предполагает одобрения реальных совершенных актов применения насилия либо угрозы его применения, так как последнее относится к оправданию.

3. Несмотря на содержательную и юридическую близость терроризма и экстремизма, а также включение оправдания и пропаганды в число признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 205² и ст. 282 УК РФ, эти нормы в отношениях конкуренции не находятся, что допускает идеальную совокупность данных преступлений при наличии к тому оснований.

4. При квалификации возбуждения ненависти или вражды по признаку оправдания применения насилия либо угрозы его применения наличие официальной юридической оценки оправдываемых действий на момент их оправдания обязательного значения не имеет. Важен насильственный характер этих действий, выстраивание виновным на основе данных фактов

¹⁸ Дагель П. С. Множественность преступлений : (Лекция по курсу советского уголовного права, часть Общая). Владивосток : [б. и.], 1969. С. 12.

определенных суждений и оценок, использование их для наполнения соответствующим содержанием своих публичных заявлений и обращений.

5. Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ, не является квалифицированным видом состава, указанного в части первой данной статьи. Идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, исключается в силу построения ст. 282 УК РФ на основе альтернативности криминообразующих признаков, указанных в разных частях данной статьи. При наличии в деянии одновременно признаков, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, преступление квалифицируется только по соответствующему пункту (пунктам) ч. 2 ст. 282 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

3 заключение

Включение новых признаков в ст. 282 УК РФ и изменение ее конструкции привели к возникновению новых вопросов квалификации преступлений по данной норме. Поиск соответствующих решений при подготовке настоящей работы осуществлялся с учетом положений уголовного закона, обращения к иным нормам УК РФ, содержащим схожие признаки состава преступления, судебной практики, сложившихся правоприменительных подходов и теоретических основ квалификации преступлений. Особой сложностью характеризуются проблемы определения соотношения норм, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ, при решении вопроса о возможности уголовно-правовой оценки предусмотренных ими деяний как идеальной совокупности преступлений. Проведение системного исследования позволило выработать представленные выше обоснованные рекомендации по квалификации возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ в ст. 282 УК РФ.

Список источников

1. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права : монография. Москва : Аванта+, 2000. 559 с.
2. Лопашенко Н. А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 8. С. 127–138. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.165.8.127-138>
3. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. Москва : Госюриздат, 1960. 244 с.
4. Агапов П. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4–6.
5. Кибальник А. Г., Соломонович И. Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2 (868). С. 14–16.
6. Агапов П. В., Шевелева К. В. Уголовная ответственность за неоднократные пропаганду и демонстрацию запрещенной федеральным законодательством атрибутики и символики // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 2 (75). С. 133–140.
7. Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81–89.
8. Этнорелигиозный терроризм : монография / под ред. Ю. М. Антоняна. Москва : Аспект Пресс, 2006. 318 с.
9. Рарог А. И. Террористический акт: качество уголовно-правовой нормы // Вестник Университета им. О. Е. Кулафина (МГЮА). 2022. № 1 (10). С. 150–156. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.98.10.150-156>
10. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / отв. ред. Л. Л. Куликов. Москва : Проспект, 2014. 352 с.
11. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. Москва : Норма: Инфра-М, 2015. 288 с.
12. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и дополн. Москва : Юрист, 1999. 301 с.
13. Совокупность преступлений: проблемы теории и практики квалификации : монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2016. 364 с.
14. Филимонов В. Д. Норма уголовного права : [монография]. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 279 с.
15. Шаргородский М. Д. Избранные труды / сост. и предисл. Б. В. Волженкина. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2004. 655 с.
16. Обращение К. В., Чикин Д. С. Сложные единичные преступления : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 179 с.